

Содержание

Виктория Мызникова и Дмитрий Райдер.

Марксистский пророк катастрофы: что книга

о Лос-Анджелесе 1998 года говорит о нашем будущем 9

1. Новый старый левый 10

2. Калифорния убер аллес 13

3. Бродель в Лос-Анджелесе 16

4. Майк Дэвис в России 23

5. Пророк катастрофы, пророк борьбы 25

Глава 1. Диалектика обычной катастрофы 30

1. Парк развлечений Апокалипсиса 31

2. Глубокое Средиземноморье 36

3. Уолден-понд под ЛСД 43

4. Плохие новости из Средневековья 51

5. Сейсмический региональный долг 59

6. Великая аномалия 72

7. Убийственные импульсы и пылающие горизонты 77

8. Политические афтершоки 88

9. Странные аттракторы 96

Глава 2. Как рай потерял свой сад 101

1. Недопроизводство общественного пространства 103

2. Убийство реки Лос-Анджелес 112

3. Битва за Долину 118

4. Озеленение городской пустыни? 124

5. Последний ландшафт 137

Глава 3. Почему Малибу должен сгореть 143

1. Огненный берег 148

2. Сгоревший район 165

3. Новый инферно 177

4. Поджигающий Другой	186
5. Дискриминационная пожарная безопасность	195
6. Бум пожаров	199
Глава 4. Наш «тайный Канзас»	209
1. Странные ветра и горячие точки	213
2. Когда пошел черный дождь	222
3. Ужасные близнецы	227
4. Десятилетие бурь	233
5. Демоны дня выборов	238
6. Чудовищные штормы и эпистемологические загадки	243
7. Вспышка во время Эль-Ниньо 1982–1983 годов	248
8. «Подобно атомной бомбе»	253
9. Неприемлемая реальность	258
Глава 5. Людоеды из Сьерра-Мадре	266
1. Природа наносит ответный укус	267
2. «Отстрел всего, что движется»	280
3. Золотой век охоты	297
4. Война с хищниками	306
5. Возвращение пумы	319
6. Чумные суслики	334
7. Земля меда	347
8. Монстры и мессии	356
Глава 6. Литературное уничтожение Лос-Анджелеса	363
1. Обреченный город	365
2. Городская эсхатология	372
3. Наступающие орды	386
4. Романтическая литература катастроф	395
5. Культ-катастрофа	399
6. Нулевая отметка	408
7. Зеленые врата ада	416
8. Кинематографический роман-катастрофа	423
9. Окончательные решения	432
10. Инопланетное родство	443

11. Магические разрушения	449
12. Гнев Божий?	458
Глава 7. После «Бегущего по лезвию»	464
1. Сканскейп	470
2. Невидимый бунт	476
3. Зона свободного огня	486
4. Полумесяцы репрессий	493
5. Соседи наблюдают	498
6. Параллельные вселенные	504
7. Оззи и Харриет в аду	511
8. Расовая война низкой интенсивности	522
9. Граница ГУЛАГа	528
10. Марсианский флот	538
Благодарности	545

Моим детям, Джеку и Рошин

Нигде на Земле жизнь не находится в большей
безопасности и не имеет большей защиты от
стихийных бедствий, чем в Южной Калифорнии.
«Лос-Анджелес таймс» (1934)

Марксистский пророк катастрофы: что книга о Лос-Анджелесе 1998 года говорит о нашем будущем

Летом 2022 года, после продолжительной борьбы с раком, Майк Дэвис объявил, что прекращает лечение, и всего через несколько месяцев, 25 октября 2022 года, его не стало¹. Рожденный вскоре после окончания Второй мировой, Дэвис закончил свой жизненный путь в тот момент, когда планета вновь погружается в глобальный кризис. Но и жизнь Дэвиса, охватившая семь с половиной десятилетий, включая «золотое послевоенное тридцатилетие», была какой угодно, но не спокойной.

Для обоих переводчиков этой книги смерть Дэвиса стала личным переживанием. Сложно говорить о настоящей преемственности и глубоком влиянии, когда ни один из нас не общался с ним лично, но тексты Дэвиса были и остаются для нас вдохновением в работе и исследованиях. Так же, как и для сотен тысяч людей по всему миру — исследователей, журналистов, активистов и просто тех, кто интересуется историей Калифорнии, историей американского рабочего класса, географией и тенденциями урбанизации в XXI веке, проблемой глобальных пандемий и экологической политэкономией колониальных империй. Даже из этого краткого перечисления тем, которым были посвящены основные работы Дэвиса, очевидно, насколько сложно вписать его в какую-то отдельную традицию или дисциплину, будь то география, история, урбанистика или экономика. Многие характеризуют его прежде всего как марксиста, сам себя он предпочитал называть

¹ Arellano G. Mike Davis has terminal cancer. But his big worry is what is happening to our world // Los Angeles Times. 2022. 22 July.

«социалистом старой закалки»¹ — даже тогда (и особенно тогда), когда такая характеристика скорее вызывала усмешку и казалась призраком безвозвратно ушедшей эпохи.

К сожалению, русскоязычной аудитории, за исключением узкого круга специалистов в области географии и урбанистики и некоторых левых, Майк Дэвис практически не знаком. На русском до этого момента были опубликованы всего две небольшие его работы: книга «Птичий грипп: глобальная угроза новой пандемии» (*The Monster at Our Door*, 2005) и компиляция статей «Кто построит ковчег?», составленная и отредактированная при участии одного из авторов перевода книги, которую вы сейчас держите в руках. Так что этот перевод — наша дань Майку Дэвису и его наследию, попытка положить начало диалогу с русскоязычной традицией радикальной мысли, который так и не начался при жизни Майка. Мы надеемся, что «Экология страха» откроет Дэвиса для тех, кто не имел возможности познакомиться с его работами на английском, и подстегнет интерес к остальным книгам автора.

1. Новый старый левый

Будучи ключевой фигурой поколения «новых левых», участником экономических семинаров Роберта Бреннера, многолетним редактором *New Left Review* и одним из тех, кто стоял у истоков издательства *Verso*, Дэвис совсем не вписывался в привычный образ левого интеллектуала второй половины XX века, которого чаще можно было увидеть в университетской аудитории, чем на забастовочном пикете или на уличных баррикадах. Майк всегда оставался на стороне рабочего класса, из которого он вышел: его отец был мясником, сам он тоже успел поработать в этой профессии, как и побывать водителем грузовика и автобуса — в какой-то степени именно благодаря этой работе Дэвис

¹ Abdelmoumen M. Prof. Mike Davis: 'There was once a generation of lions' [Interview] // *Algérie Résistance* II. 2018. 11 April.

приобрел энциклопедическое знание географии Лос-Анджелеса, ключевого места в его личной и интеллектуальной биографии. Даже стипендия, благодаря которой Майк оказался в Британии и познакомился с Перри Андерсоном и другими своими будущими коллегами из *New Left Review*, была оплачена профсоюзом его отца.

Свой долг перед рабочим классом Дэвис воспринимал максимально серьезно: недаром его первая и последняя значительные работы, «Узники американской мечты» (*Prisoners of the American Dream*, 1986) и «Старые боги, новые загадки» (*Old Gods, New Enigmas*, 2018), посвящены именно истории рабочего класса и организации рабочих. При этом последнее, что можно обнаружить в его отношении к рабочим, — это иллюзии и идеализация. Дэвис всегда воспринимал адресатов своих работ как равных и не пытался сгладить углы или представить ситуацию лучше, чем она есть. Тех же «Узников» критики — а зачастую и почитатели Дэвиса — обвиняли в излишнем пессимизме, который резко контрастировал с мейнстримом исследований рабочего движения в Америке и в мире (включая таких значимых для этой дисциплины фигур, как Э.П. Томпсон), прославлявшим агентность и сопротивление рабочих капиталу, даже если это сопротивление подобно маятнику двигалось от крупных поражений к незначительным победам и обратно¹. Сейчас эта книга читается совсем иначе, как точная и трезвая оценка тех исторических условий и препятствий, которые стоят на пути эффективной организации рабочих в США, включая наиболее значительное — внутриклассовую расовую и этническую сегрегацию.

Образ «парня с улицы», даже реднека, который никогда не лез за словом в карман (о его работе в *NLR* до сих пор ходят легенды: послать в ответном письме на *** профессора истории Юджина Дженовезе или выпустить в пылу спора на пол офиса редакции содержимое террариума, включая ужа, аксолотля и хищную

¹ Kelley R. D. G. Old School Socialist (Tribute to Mike Davis) // *Human Geography*. 2023. Vol. 17. № 1.

африканскую лягушку, видимо, было для него в порядке вещей)¹, поначалу угрожал поставить крест на карьере Дэвиса, не дав ей даже начаться. Несмотря на то что после окончания школы ему удалось поступить в престижный Рид-колледж в Портленде со стипендией, Дэвис, к тому моменту уже сильно вовлеченный в антирасистский активизм, чувствовал себя не в своей тарелке в обществе детей профессуры, докторов и бизнесменов, и вскоре был исключен — по официальной версии, за проживание в комнате своей девушки. За этим последовала работа водителем, антивоенный активизм против вторжения во Вьетнам и вступление в Компартию США. Из партии, правда, его тоже через год исключили: подрабатывая в партийном книжном магазине, Дэвис выгнал оттуда советского атташе — несмотря на коммунистические взгляды, СССР Майк недолюбливал.

Вернуться в академию — и запустить цепочку рассуждений, которая привела его к «Узникам американской мечты», — Дэвис убедил опыт на работе. Когда во время особенно яростного противостояния с боссами штрейкбрейкер насмерть сбил одного из участников профсоюза водителей автобусов, в котором состоял Дэвис, другие водители собрались, чтобы скинуться по 400 долларов на киллера для предводителя штрейкбрекеров. Подумав про себя, что это «самое типичное поведение для американских рабочих, которое можно только представить»: вместо того, чтобы продумать политическую стратегию, просто начать стрелять, — Дэвис разразился «самой пламенной речью в своей жизни» и... проиграл голосование 1 к 39. От обвинений в организованной преступности и убийстве по сговору Майка спасла полиция Лос-Анджелеса, которая задержала потенциальных наемных убийц за пьяное вождение и отобрала оружие. Этот случай утвердил Дэвиса в решении отойти от «синеворотничковой» работы и поступить в университет, на этот раз в *UCLA* в родном Лос-Анджелесе².

¹ Shatz A. The American Earthquake: Mike Davis and the Politics of Disaster // Verso Books. 2022. 26 October.

² Ibid.

2. Калифорния убер аллес

Столь же важную роль, как и рабочая идентичность, в судьбе Дэвиса сыграла его малая родина — Южная Калифорния. Дэвис родился в Фонтане, крупной (пост)индустриальной метастазе Лос-Анджелеса, через которую протекает легендарное шоссе 66. Промышленный бум, пришедшийся на детство Дэвиса, не выдержав притяжения огромного мегаполиса, сменился спекулятивным земельно-строительным бумом. Мрачным напоминанием о былой индустриальной славе Фонтаны оставались лишь руины сталелитейного завода, которые сам Майк в главе своего бестселлера «Город кварца» (*City of Quartz*, 1990) с красноречивым названием «Свалка мечтаний» сравнивал с видами Дрездена и Хиросимы после бомбежек.

Именно «Город кварца» принес Дэвису настоящую популярность — не среди глотающих книгу за книгой левых студентов и активистов, а в американском культурном мейнстриме. Важную роль сыграло точное попадание «Города кварца» в *zeitgeist*: два срока Рейгана преобразили всю Америку по образу и подобию Южной Калифорнии, как и предупреждал когда-то Джелло Биафра¹. Таким образом, этот опыт марксистского краеведения, многогранного портрета Лос-Анджелеса и его окрестностей, сыграл роль зеркала уже для всего американского общества, его иллюзий и патологий, одновременно экстраполировав их развитие на несколько десятилетий вперед в лучших традициях хорошей научной фантастики. Недаром с обложки первого издания на читателя смотрели холодные огни лос-анджелесского центра временного заключения (сложно найти здание, которое более емко характеризовало бы Америку последних сорока лет), а на обороте книгу рекламировал сам Уильям Гибсон — как «большой киберпанк, чем любая художественная литература». Весомые слова от «отца киберпанка», образы которого сыграли столь центральную роль как в «Городе кварца», так и в его идейном продолжении — «Экологии страха» (1998).

¹ *Dead Kennedys. We've Got a Bigger Problem Now* [Песня].

Сам Дэвис так описывал идею своего масштабного «краеведческого» проекта: «Я представлял себе, как Вальтер Беньямин наконец-то приезжает в Лос-Анджелес и сидит в баре с Фернаном Броделем и Фридрихом Энгельсом. Они решают написать книгу о Лос-Анджелесе и делят ее на три проекта. Беньямин возьмет на себя все сложные и яркие фрагменты о власти и памяти. Бродель будет исследовать естественную историю города, более широкие исторические силы мирового масштаба, которые сделали его возможным. А Энгельс расскажет о рабочем классе Лос-Анджелеса». «Город кварца» стал первой частью этой условной трилогии¹.

Лос-Анджелес здесь предстает настоящей неонуарной дистопией, толщей исторических наслоений, сформировавшихся под давлением разнонаправленных сил старой буржуазии с Восточного побережья, местных богачей, сколотивших состояния на «освоении» региона, военно-промышленного комплекса и нового класса домовладельцев, к которому по иронии судьбы присоединился сам Дэвис, купив благодаря доходам от публикации «Города кварца» небольшой домик для себя и семьи².

Мозаика из ветшающих старых центров и новых охраняемых поселков, заброшенных торговых павильонов и кинотеатров и уже строящихся где-то за углом под бесстрастным взглядом камер башен из стекла и стали или обнесенных колючей проволокой бетонных коробок тюрем, ярко и зачастую безжалостно перенесенная Дэвисом на страницы книги, стала окном в будущее не только Америки, но и всего мира на ближайшие десятилетия. Мира, где интересы девелоперов и землевладельцев и неравномерное движение капитала за несколько лет превращает процветающий «солнечный пояс» в неблагополучный «ржавый», где любые попытки планирования города исходя из интересов его жителей неизбежно проигрывают логике рыночных цен на недвижимость, ставящей знак равенства между «развитием»

¹ Shatz A. The American Earthquake: Mike Davis and the Politics of Disaster.

² «Ипотека меня развратила, — полусмущенно рассказывал Дэвис Адаму Шатцу. — Я только и думаю, что о своем газоне и стоимости своей недвижимости».

и комбинацией шоссе, парковки и небоскреба, и делающей зеленые аллеи, водоемы и улицы, по которым можно передвигаться пешком, привилегией избранных. Мира, где классовое, расовое и паспортное неравенство буквально отлиты в бетоне заборов, стен и автомобильных развязок. Название книги хорошо отражает эфемерный характер этой реальности: как говорил сам Дэвис, «кварц» здесь — «это что-то, что выглядит как бриллиант, но практически ничего не стоит; прозрачное, но при этом через него ничего не видно»¹.

Как и в своей оценке перспектив рабочего движения в Америке, в деле картографирования американских городов Дэвис противостоял важной для поколения «новых левых» фигуре: только здесь «жертвой» его критики стал не Э.П. Томпсон, а Фредрик Джеймисон. Вместо джеймисоновского «вплетения популизма в ткань города» и цветущих зеленых интерьеров высоток как воплощения «спектакля» и «постмодернистского гиперпространства» Дэвис видел в стеклянных башнях отелей и офисов, выросших в Лос-Анджелесе и других глобальных финансовых центрах в 1980-х, «фортифицированные небоскребы», прямое следствие «антигородского импульса, вдохновенного ничем не сдерживаемыми финансовыми силами и османовской логикой социального контроля, [...] истинным духом времени постмодернизма»². Это несогласие по поводу поставленного Джеймисоном диагноза новой эпохе в развитии капитализма происходило не из страсти к противоречию или свержению авторитетов, но из глубокого и личного знания города и политэкономической логики, в которой происходит его трансформация. Когда Дэвис писал о небоскребах нового-старого финансового центра как о «корреляте рейганизма и конца эпохи городских реформ», который укоренял сегрегацию в пространстве и подменял своими «псевдообщественными» интерьерами развитие подлинно общественной инфраструктуры, он

¹ *Lichtenstein N. The Marxism of Mike Davis // Jacobin. 2025. 31 July.*

² *Davis M. Urban Renaissance and the Spirit of Postmodernism // New Left Review. 1985. № 151 (May–June).*

говорил о том, что видел своими глазами и испытал на себе не только как исследователь, но и как обычный рабочий.

Своеобразной кульминацией «Города кварца» стали беспорядки 1992 года, через два года после выхода книги. Бунт охватил целые районы Лос-Анджелеса после попавшего на камеры жестокого избиения афроамериканца Родни Кинга полицией и последовавшего за ним оправдательного приговора полицейским¹. Как будто в подтверждение мрачного видения Дэвиса гнев, социальное и расовое неравенство и неудовлетворенность, годами копившиеся под блестящим кварцевым фасадом Лос-Анджелеса, разом вырвались на поверхность в восстании брошенных на произвол судьбы городских низов.

3. Бродель в Лос-Анджелесе

Беспорядки, охватившие город после дела Родни Кинга, пожаром тлели и на фоне «обычной катастрофы», диалектику развертывания которой Дэвис показывает в условном сиквеле «Города кварца» — «Экологии страха» (1998). Различимый из космоса, этот бунт становится финальным образом книги, который, подобно извержению вулкана, несет в себе не только разрушительную силу, но и потенциал к настоящим изменениям.

Сложно найти более точную характеристику для этой книги, чем предложенную самим Дэвисом, — «Фернан Бродель в Лос-Анджелесе». Даже почти через тридцать лет после первой публикации она остается актуальной классикой экологической истории, связывающей геологию, климат, экологию, городское планирование (и его отсутствие), массовую культуру и классовый анализ.

В первой главе, «Диалектика обычной катастрофы», Калифорния предстает передним краем американской мечты на

¹ Сейчас сама скандальность этого события и массовый гнев, которое оно вызвало, выглядят признаком ушедшей эпохи: документальная показровая фиксация не то что избиений — пыток, убийств и даже геноцида, совершаемых полицейскими, военными и другими представителями власти, теперь редко вызывает социальные эмоции и движения такого масштаба.

континенте. Дальше этого фронта — только океан или космос. Как продать американскую мечту в Южной Калифорнии? Обратиться к европейскому образу идеализированного Средиземноморья. Но калифорнийская природа, при всем сходстве со средиземноморскими ландшафтами, обладает собственным характером. Американская мечта тут сталкивается с противодействием природы: сейсмических сил, физики атмосферы, циклами лесных пожаров, изменчивого поведения речных дельт. Местные природные катастрофы несут предзнаменование чего-то еще более ужасного — грядущего джекпота катастроф, который отменит привычный социальный порядок. Этот страх всегда существовал в американском подсознании, но в Калифорнии он как будто обрел свое концентрированное воплощение. Первая глава представляет собой пандемониум катастроф: землетрясений, смертоносных пожаров, ураганов, наводнений и бунтов. Когда реальность отказывается соответствовать открыточному образу, природа объявляется злонамеренной и враждебной. Лос-Анджелес — галлюцинирующий о самом себе город на краю океана и американской мечты.

Главу «Как рай потерял свой сад» вполне можно представить и в «Городе кварца»: она в наибольшей степени развивает темы, начатые в первой части «лос-анджелесской трилогии». Она же и наиболее урбанистическая из всех. Дэвис показывает историю масштабного планирования — или, скорее, его попыток — в городе, где с момента основания все такому планированию противостояло. Это напоминает жестокий социальный эксперимент: что будет, если настроить все местные общественные институты и механизмы принятия решений на максимальное поощрение эгоизма домовладельцев и стимулирование прибыли девелоперов? Мы наблюдаем, как в течение нескольких поколений архитекторы, городские планировщики и активисты предлагают планы по сохранению и расширению системы общественных парков, пляжей, «зеленых каркасов» и защите уникальных южнокалифорнийских экосистем только для того, чтобы услышать в ответ обвинения в «величайшем в истории союзе гнета власти, налогообложения и принуждения» и других смертных грехах против капитала

и частной собственности. Дэвис показывает, как бесконечная погоня за рекламной картинкой ускользающей калифорнийской идиллии с апельсиновым садом, подстегиваемая застройщиками, превращает Лос-Анджелес и его окрестности на много километров вокруг в бетонную пустыню.

В наиболее известной и цитируемой главе «Экологии страха» с провокационным названием «Почему Малибу должен сгореть» Дэвис описывает конфликтное взаимодействие калифорнийцев с окружающими их пирогенными ландшафтами. Малибу — это та самая калифорнийская идиллия, в которой есть только серфинг, купание в волнах океана, горы, чудесные закаты и счастливая жизнь в субурбии. А еще Малибу — столица пожаров в США, субсидированный штатом пригород, расположенный в пожароопасной зоне. Он не просто не застрахован от встречи с катастрофой, он к ней буквально предрасположен. Калифорнийские леса эволюционировали вместе с пожарами, местным растениям-пирофитам, таким как кустарниковые заросли чапарала, пожары необходимы для развития. Но безудержная застройка — «вторая природа» — не столь хорошо адаптирована к циклам пожаров. Это создает «смертоносную комбинацию домовладельцев и кустарника». На природные катастрофы накладываются экономические: Малибу и другие богатые пригороды уже несколько раз за свою вековую историю сгорали и заново отстраивались. Открыточному пирофильному Малибу Дэвис противопоставляет намного менее известный старый пролетарский район Лос-Анджелеса Уэстлейк, ставший прибежищем для многочисленных иммигрантов. Здесь не ощущается океанская прохлада, и люди с цветом кожи потемнее, чем в Малибу, изнывают от жары в швейных цехах и разваливающихся от старости гостиницах, переделанных в общежития. Сочетание геоклиматических факторов, классового и расового разделения, непродуманной застройки и систематического игнорирования правил пожарной безопасности домовладельцами превращает многоквартирные трущобные дома и дешевые отели в «адские печи», унося жизни десятков людей. Хотя лесные пожары не склонны признавать классовые различия, защита от них распределена неравномерно.

Для богатых в бюджете штата зарезервировано заведомо больше средств, им с гораздо большей охотой уделяют внимание масс-медиа, помешанные на звездах и душесципательных историях: пожар в Малибу транслировался в прайм-тайм.

«Наш тайный Канзас» читается почти как мистический триллер, классическая история «вещи» — в данном случае атмосферного явления, — раз за разом обнаруживаемой там, где ее быть не должно, и приносящей несчастье. Используя фирменный для триллеров прием, Дэвис вводит в повествование газлайтеров, отказывающихся признать то, что протагонисты — ошеломленные жители Южной Калифорнии — видят своими глазами и испытывают на себе. В данном случае роль «злодеев» на протяжении почти целого столетия выполняют лос-анджелесские газеты, для которых истории о разрушительных торнадо, проносящихся через центр мегаполиса, оставляя после себя широкую полосу разрушений, — неприятная деталь, никак не вписывающаяся в образ Лос-Анджелеса как места с идеальной погодой. Как показывает Дэвис, особенности географии региона делают периодические «налеты» смерчей неизбежностью — вплоть до того, что у Лос-Анджелеса есть своя «аллея торнадо», пролегающая в опасной близости от аэропорта. А особенности коллективной памяти региона впоследствии почти с такой же неизбежностью вытесняют ужасы разрушений, вызванных неуправляемыми вихрями, — до следующей большой непогоды.

Если «Малибу» — это самая цитируемая глава «Экологии страха», то «Людоеды из Сьерра-Мадре», вероятно, — наиболее важная для центрального аргумента книги. В ней Дэвис прослеживает естественную историю Южной Калифорнии с середины XVIII века через череду сменяющих друг друга экоцидов, уничтоживших одни виды и экосистемы и радикально сокративших численность и площадь других. Здесь же Дэвис в полной мере разворачивает тезис о нелинейности и нестабильности взаимодействий в паре «дикая природа — город», где нет никаких четких границ, а «дикие» виды за короткий промежуток времени становятся городскими «оппортунистами», любителями полакомиться остатками

фастфуда или незадачливыми домашними питомцами. Неудержимая застройка предгорий вокруг Лос-Анджелеса парадоксальным образом одновременно уничтожает природу и приближает ее к жителям города настолько, что соседство становится опасным для жизни — будь то через пум-людоедов или зараженных чумой грызунов. При этом вполне материальное вытеснение животных сопровождается и их психологическим вытеснением: начиная от викторианско-аристократической ненависти к хищникам и заканчивая вполне современным страхом перед пумами, койотами и инвазивными пчелами-убийцами, который на дискурсивном уровне до неразличимости сливается с антимигрантскими настроениями или боязнью подростковых банд. Сложно закончить эту главу иначе как с глубоким убеждением, что общество, раздираемое противоречиями изнутри, не способно выстроить хоть сколь-либо устойчивые отношения с окружающей его средой.

В «Городе кварца» Дэвис сосредоточился на истории нуара как определяющего для Лос-Анджелеса жанра, а в «Экологии страха» его мишенью стала литература катастроф, также после скитаний по миру обретшая в Южной Калифорнии свой дом. Глава «Литературное уничтожение Лос-Анджелеса» — это настоящий *tour de force* Дэвиса, который заставляет жалеть, что лишь относительно небольшая часть его исследований была посвящена культуре. Если в предыдущей главе расовая и классовая подоплека страхов и тревог жителей мегаполиса намечена лишь в общих чертах, то здесь она не просто становится очевидной, но вырастает почти до хармсовских масштабов абсурда. Гротескные волны «желтой» и «красной» угрозы, сменяя друг друга, из романа в роман и из фильма в фильм стирают Лос-Анджелес с лица земли, оставляя лишь горстку — белых — смельчаков, на чьи плечи ложится тяжелая миссия тотального истребления захватчиков и восстановления города и страны из руин, возрождающая ценности частной собственности и расовой сегрегации¹. Дэвис здесь поистине

¹ У Дэвиса были и вполне личные счеты с южнокалифорнийской расистской апокалиптикой: часть его детства прошла в военном городке Бостония, недалеко от Сан-Диего, все жители которого ждали неминуемого вторжения элитных

беспощаден: достается и Джеку Лондону, в одном из рассказов уничтожившему все население Китая бактериологическим оружием для установления мира на Земле, и «феминистской» писательнице Кэролин Си, чьи фантазии о постмаскулинной утопии очевидно проникнуты классовой и этнически окрашенной неприязнью к недостаточно образованным и просвещенным жителям рабочих районов долины. Редкие позитивные примеры работы с тропом конца света в Лос-Анджелесе, которые все же находит Дэвис, выглядят скорее как исключения, подтверждающие правило: этот город помешан на фантазиях о расовой войне, ставших неотъемлемой частью его коллективного воображения и культурного кода.

Куда движется Лос-Анджелес? В последней главе Дэвис снова обращается к научно-фантастическим предсказаниям, начиная с «Бегущего по лезвию» — нуара, протокиберпанка и официального «антиутопического альтер эго Лос-Анджелеса». Был ли «Бегущий» хорошим предсказанием будущего антиутопического пейзажа Южной Калифорнии? Дэвис не уверен в этом: фильм слишком уж повторяет образность «Метрополиса» Фрица Ланга. Более проницательной экстраполяцией политических, социальных и экологических тенденций региона ему видится роман «Притча о сеятеле» Октавии Батлер, которая «добавила громкости» тому, что уже происходит с Лос-Анджелесом: упадку пригородов, социальной аномии, беспорядкам, изменению климата. Эта глава тоже посвящена стихии — которую, по мнению обеспеченных белых и сил полиции, представляют расовые меньшинства, особенно молодежные банды чернокожих и латиносов. Обращаясь к предложенной отцом Чикагской школы социологии Эрнестом У. Берджессом схеме социальных зон города, Дэвис рисует свою круговую схему Лос-Анджелеса — карту сегрегации, неравномерно

китайских войск из Мексики и каждые выходные заряжались антикоммунизмом в местном центре набора в морскую пехоту. Дело дошло до того, что Дэвис вступил в ряды местного аналога бойскаутов под названием «Дьявольские щенки» и только и мечтал о том, чтобы «записаться в армию и поехать куда-нибудь в Азию убивать людей» (Shatz A. The American Earthquake).

распределенных катастроф и страха. Бунту 1992 года предшествовала экономическая катастрофа — масштабная региональная рецессия 1990 года, которая привела к многотысячным сокращениям в аэрокосмической отрасли и легкой промышленности. Оправдание полицейских, избивших Родни Кинга, стало только триггером — к этому моменту Лос-Анджелес уже напоминал пороховую бочку или, следуя метафорике Дэвиса, готовый вспыхнуть чапараль. Последовавший за этим огненный фестиваль также стал праздником распределения богатств среди угнетенных. После восстания местный правящий класс с удвоенной скоростью принялся за преобразование Большого Лос-Анджелеса в дистопический кластер крепостной архитектуры. Этот процесс сопровождался дальнейшей приватизацией общественных пространств, распространением систем электронного наблюдения и милитаризацией. Крупнейшим работодателем в регионе стала индустрия развлечений, сделав из Лос-Анджелеса постмодернистский гиперреалистический образ самого себя. Небоскребы превратились в киберпанковские крепости, огражденные от простых смертных новейшими охранными системами, а в бедных районах были созданы «зоны безопасности», ограждающие добропорядочных граждан от тех, кого принято называть нежелательными элементами, — в основном безработной молодежи. Кульминацией этого процесса секьюритизации стало строительство комплекса тюрем нового типа с ежесекундным паноптическим надзором. Тюремная «индустрия» также развилась в одного из самых перспективных работодателей региона, пришедшего на смену стремительно теряющим бюджетное финансирование школам и университетам.

2019 год — год, в котором происходит действие «Бегущего по лезвию», — уже в прошлом. С тех пор Лос-Анджелес успел вновь пережить гигантские пожары, восстание *Black Lives Matter* после убийства Джорджа Флойда и протесты против террора со стороны иммиграционной и таможенной полиции (*ICE*). Процесс увядания старых пригородов продолжается — не только в Калифорнии, но и по всей стране. Дэвис заканчивает «Экологию страха» предупреждением о популистской ярости, копящейся в беднеющих

субурбиях и угрожающей двухпартийному статус-кво. Эта популистская ярость сейчас все чаще вырывается наружу. Американской мечте становится все сложнее удержать своих узников.

4. Майк Дэвис в России

В 2025 году в журнале «Эксперт Юг» была опубликована статья о представленных Столыпинским клубом трех сценариях развития растущей краснодарской агломерации¹. Первый сценарий — хаотический, второй — средний, а третий, наиболее позитивный, назван «Русской Калифорнией». Похоже, калифорнийская мечта все еще занимает значительное место в российском воображении. Но именно калифорнийский стиль урбанизации «не только усиливает природные опасности, но и активизирует дремлющие опасности и создает опасности там, где их не было»². В Сочи и Краснодаре нет своего Голливуда, многократные воображаемые катастрофы не уничтожали их в литературе и кино. Однако довольно легко можно представить «экологию страха» на российском Черноморском побережье. Для нее уже накоплены сюжеты: катастрофическое наводнение в Крымске 2012 года, которое было последствием изменения климата, гибель самшитовых рощ в Сочи во время подготовки к Олимпиаде 2014 года, разлив мазута в 2025 году в Черном море и нарастающие проблемы с устаревающей энергетической инфраструктурой, не рассчитанной на массовый приток населения в регион.

Но и помимо напрашивающихся параллелей с Краснодарским краем, в России — широкий простор для «марксистского краеведения» и радикальной географии. Более того, развитие России в последние десятилетия во многих отношениях повторяло лекала США, комбинируя консюмеризм и катастрофизм. Прочитать Майка Дэвиса в России — значит применить к его анализу

¹ Полиди А. Сумеет ли краснодарская агломерация не скатиться в хаос? // Эксперт Юг. 2026. 10 февраля.

² См. гл. «Диалектика обычной катастрофы».

операцию, которую сам Дэвис применил к Броделю и Бенъямину. Необязательно ограничиваться воображаемой «Русской Калифорнией», можно пристальнее посмотреть на Северо-Запад, рассказав о беспорядочном развитии Санкт-Петербургской агломерации и ее гигантских «человейниках», становящихся очагами как социальной аномии, так и зреющего недовольства. За свою относительно недолгую историю урбанистика в России превратилась в допустимую форму критики. Появилось множество популярных видеоблогов с роликами о жадности девелоперов и кошмарной гигантоманской застройке. Но им часто не хватает той аналитической ясности (и ярости), с которой подходил к социально-географическим исследованиям Дэвис.

Есть в России и свои «тайные канзасы»: смерчи и торнадо, ранее считавшиеся крайней редкостью, стали чаще фиксироваться очевидцами и учеными благодаря распространению цифровой техники. Наиболее подверженные вихрям районы расположены в центральных регионах и на юге Сибири и Дальнего Востока¹. По словам климатолога Александра Чернокульского, «нам пока просто везет, что многие разрушительные смерчи проходили мимо городов». Вскоре эти «тайные канзасы» станут более явными: вихри теперь легче фиксировать не только благодаря развитию техники — с ускорением изменения климата вероятность их образования тоже возрастает.

«Воображение катастроф» же больше применимо к Москве, которую уже атаковали инопланетяне в фильме «Притяжение» и мистические силы в «Дозорах» Бекмамбетова, разрушали в ядерной войне в серии книг «Метро». Москва сгорала дотла в песне группы «Ленинград» и становилась жертвой зомби-эпидемии в рекламирующем жилой комплекс «Зиларт» мини-фильме Василия Сигарева «Z». При этом реальная катастрофа в стиле Русской равнины — гигантские лесные и торфяные пожары 2010 года, охватившие несколько регионов и накрывшие Москву смогом, вызвав десятки тысяч избыточных смертей, — пока заметных

¹ Чернокульский А. Смерчи в России: реальная угроза? // Элементы. 2021. 20 мая.

репрезентаций в художественных литературе и кино не получила. «Литературное уничтожение» Москвы преимущественно остается подражанием голливудской апокалиптике с примесью антимосковского ресентимента. Ресентимента как внешнего, так и внутреннего — исходящего от «коренных» москвичей, считающих, что они потеряли свой город из-за нашествия приезжих. Анамнез страхов, в чем-то повторяющий тот, что Дэвис зафиксировал в Лос-Анджелесе. Наше воображение захвачено не только американской мечтой, но и американскими кошмарами, хотя оно все еще по-русски централизовано.

5. Пророк катастрофы, пророк борьбы

«Пророк катастрофы» — это шутовское по форме, но по существу серьезное прозвище было даровано Дэвису главной газетой его родного города, «Лос-Анджелес таймс»¹, в начале 2000-х и быстро закрепилось. Про него вспоминают почти в каждой посвященной Дэвису статье или интервью, отсылая к тому или иному кризису, который «социалисту старой закалки» удалось предсказать.

Это более чем объяснимо: сложно найти автора, чьи исследовательские интересы были бы настолько синхронизированы с ключевыми векторами истории конца XX — начала XXI века. О прогностических способностях Дэвиса вспоминают в основном в связи с корпусом его работ о Лос-Анджелесе: от масштабного восстания городских низов до разрушительных пожаров в зажиточных районах предгорий — тенденции, точно схваченные и экстраполированные Дэвисом, приговораются уже не первому поколению журналистов, географов и урбанистов, пишущих о Южной Калифорнии. Непреходящая актуальность Дэвиса вряд ли сильно его радовала: тот факт, что его «пророчества» продолжают сбываться, означает, что диагностированные им проблемы общества и города остаются без внимания, превращаясь в хронические патологии. Самым недавним напоминанием — но

¹ Siegel F. The prophet of doom // Los Angeles Times. 2002. 24 November.

наверняка не последним—об актуальности «Экологии страха» стали невероятно разрушительные пожары в январе 2025 года, когда в нескольких пригородах Лос-Анджелеса сгорели более 18 тысяч домов и строений и как минимум 31 человек погиб. Это был «Малибу» на стероидах: все то же щедро субсидируемое штатом строительство во все более «диких» и труднодоступных районах, все то же «врезание» роскошных вилл и домов прямо в заросли легковоспламеняющегося чапаралья, об опасности которого предупреждал Дэвис и которое наконец привело к катастрофе масштабов голливудского блокбастера. (В социальных сетях тогда моментально разлетелись видео с горящим знаком «Голливуд», оказавшиеся, впрочем, сгенерированными искусственным интеллектом,—Дэвису наверняка нашлось бы что сказать на этот счет.)

Но мрачные предсказания Дэвиса продолжают сбываться и в гораздо более значительных масштабах. Самый очевидный пример здесь—глобальные пандемии, о причинах возросшей опасности которых он не только писал в «Экологии страха», но и посвятил им отдельную книгу—уже упоминавшийся здесь «Птичий грипп», или, как она называется в оригинале, «Монстр у ворот». Факторы, перечисленные Дэвисом в этих работах,—всё более значительное вмешательство человека в экосистемы вкупе с неолиберальным урезанием системы здравоохранения в развитых странах и трущобной урбанизацией в бедных—сыграли ключевую роль в пандемии COVID-19, разразившейся в 2020 году и усугубившей кризис, в который мировая экономика погрузилась после Великой рецессии 2008 года.

Трущобная урбанизация стала центральной темой еще одной книги Дэвиса, выпущенной всего через год после «Монстра у ворот»,—«Планеты трущоб» (*Planet of Slums*, 2006). В ней Дэвис прослеживает по-настоящему эпохальный процесс трансформации, охватившей в последние десятилетия страны Глобального юга: сотни миллионов человек превращаются из крестьян, живущих подсобным хозяйством, в жителей городов. Вот только за редким исключением (Китай, Вьетнам) это не знакомая нам

«классическая» индустриальная урбанизация, с массовым строительством, стабильными рабочими местами, водопроводом и электричеством, а урбанизация «постиндустриальная». Урбанизация «самостроя» — трущоб, лачуг, геджеконду и фавел, тянувшихся на километры и не имеющих даже рудиментарной инфраструктуры, — чей жизненный цикл заканчивается после первого сильного ливня, оползня или пожара. Именно ими прирастают миллионники Африки, Латинской Америки, Ближнего Востока, Индийского субконтинента и Юго-Восточной Азии, где сосредоточена большая часть населения планеты.

Дэвис отслеживает роль международных институтов, таких как Мировой банк и МВФ, в этом процессе и приходит к неутешительному выводу: продвигаемая ими политика наследует худшим практикам колониальных администраций. Открытие местных рынков для импортируемых товаров массового потребления сделало выживание мелких семейных хозяйств фактически невозможным, выдавливая лишённые средств к существованию миллионы на буквальные обочины жизни, в «серую» экономику международного городского дна. Взрывная смесь, бродящая в этих планетарных трущобах, становится предметом контроля уже других международных (спец)служб:

лучшие умы Пентагона решились пойти туда, куда большинство представителей ООН, Всемирного банка или Госдепартамента бояться заглянуть: по пути, который логически вытекает из отказа от реформы городов. [...] С хладнокровной ясностью они теперь утверждают, что «дикие, провалившиеся города» третьего мира — особенно их трущобные окраины — станут характерным полем сражений XXI века. Доктрина Пентагона пересматривается в соответствии с этим, чтобы поддержать низкоинтенсивную мировую войну неограниченной продолжительности против криминализированных слоев городской бедноты. Это и есть настоящее «столкновение цивилизаций»¹.

¹ Davis M. Planet of Slums. London; New York: Verso, 2006. P. 205.

Прямо перед глазами Дэвиса был пример Эль-Фаллуджи, Багдада и Джафны, но сейчас, когда весь сектор Газа за два года десятками тысяч тонн взрывчатки был превращен в токсичные руины¹ и отдельные дома—а иногда и целые кварталы—в Киракесе, Бейруте, Санае или Тегеране становятся «легитимными» целями специальных операций, потому что в них предположительно находятся «террористы», его слова приобретают особенно мрачный вес. Урбицид становится визитной карточкой XXI века.

В своих поздних статьях и интервью Дэвис особенно подчеркивал противоречивость настоящего исторического момента: беспрецедентная в человеческой истории концентрация власти в мировом масштабе сочетается с полным отсутствием у немногочисленного правящего класса общего видения или стратегии. Единственный план, по поводу которого существует согласие,—поднять трап и забаррикадироваться за высокими стенами все более милитаризируемых границ и на охраняемых новейшими системами безопасности шикарных виллах².

Многим, включая журналистов, интервьюировавших Дэвиса, казалось, что столь мрачный взгляд на вещи, сколь бы реалистичным он ни был, в конечном счете вреден, ведь он не оставляет места для надежды на победу. Зачем даже ввязываться в бой, в котором шансы заведомо и фундаментально не на твоей стороне? У Дэвиса был свой ответ на этот вопрос:

«Надежда»—это не научная категория. И она не является обязательным элементом полемического письма. Зато интеллектуальная честность—является, и я стараюсь называть вещи своими именами,

¹ Даже по консервативным оценкам, на конец 2024 года армия Израиля сбросила на Газу более 70 тысяч тонн взрывчатых веществ—в два с половиной раза больше, чем на Дрезден, Гамбург и Лондон, вместе взятые, за все время Второй мировой войны (Çalli M. E. Amount of Israeli bombs dropped on Gaza surpasses that of World War II // Anadolu Ajansı (AA). 2024. 4 June).

² См. напр., Beckett L. Mike Davis, California's «prophet of doom», on activism in a dying world: «Despair is useless» // The Guardian. 2022. 30 Aug; Davis M. Thanatos Triumphant // New Left Review. 2022. 7 March.

какими бы ошибочными ни были мои идеи и мой анализ. Я твердо убежден, что мы подошли к «окончательному конфликту», который решит судьбу выживания большей части обездоленного человечества в течение следующего полувека. Против такого будущего мы должны сражаться, как Красная армия в руинах Сталинграда. Сражаться с надеждой, сражаться без надежды, но сражаться до конца¹.

Виктория Мызникова и Дмитрий Райдер

¹ *Movaghary-Pour J.* Interview: «Fight with hope, fight without hope, but fight absolutely» with Mike Davis // *Researching Sociology*. LSE. 2016. 1 March.